

СЕРГЕЙ
ГАНДЛЕВСКИЙ

СЧАСТЛИВАЯ
ОШИБКА

CoRPvS

Сергей Маркович Гандлевский

Счастливая ошибка.

Стихи и эссе о стихах

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39408984

Счастливая ошибка : стихи и эссе о стихах / Сергей Гандлевский: АСТ :

CORPUS; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-111199-1

Аннотация

Биография Сергея Гандлевского (1952) типична для целого круга авторов: невозможность быть изданным в СССР по идеологическим и эстетическим причинам, отщепенство, трения с КГБ, разъезды по стране экспедиционным рабочим и т. п.

Вместе с Александром Сопровским, Татьяной Полетаевой, Александром Казинцевым, Бахытом Кенжеевым, Алексеем Цветковым он входил в поэтическую группу “Московское время”. Признание к обитателям культурного “подполья” пришло в 1990-е годы.

Гандлевский – лауреат нескольких литературных премий, его стихи и проза переведены на многие языки.

“Счастливая ошибка” – наиболее полное на сегодняшний день собрание стихов Сергея Гандлевского. В книгу также включены эссе, в которых автор делится своими мыслями о поэзии.

Содержание

Праздник	7
Стансы	7
I	11
«Среди фанерных переборок...»	11
«Сигареты маленькое пекло...»	12
«До колючих седин доживу...»	14
«Я смежу беспокойные теплые веки...»	15
«Есть старый флигель угловатый...»	16
«Как просто все: толпа в буфете...»	17
«Цыганскому зуду покорны...»	18
«Сотни тонн боевого железа...»	19
Декабрь 1977 года	21
Друзьям-поэтам	22
«Ружейный выстрел в роще голой...»	24
«Чуть свет, пока лучи не ярки...»	25
«Я был зверком на тонкой пуповине...»	26
«Без усталы вокруг больницы...»	28
II	30
«Что ж, зима. Белый улей распахнут...»	30
«Раздвину занавеси шире...»	30
«Мы знаем приближение грозы...»	31
«Было так грустно, как если бы мы шаг за шагом...»	33

- «Бывают вечера – шатается под ливнем...» 34
- «Сегодня дважды в ночь я видел сон...» 35
- «Грешный светлый твой лоб поцелую...» 37
- «Когда волнуется желтеющее пиво...» 39
- «Здесь реки кричат, как больной под
ножом...» 40
- «Опасен майский укус гюрзы...» 41
- «Лунный налет – посмотри вокруг...» 42
- «Давным-давно забрели мы на праздник
смерти...» 43
- «А вот и снег. Есть русские слова...» 44
- «Далеко от соленых степей саранчи...» 45
- «Будет все. Охлажденная долгим
трудом...» 47
- «Это праздник. Розы в ванной...» 49

Ш

- «Картина мира, милая уму...» 52
- «Расцветали яблони и груши...» 54
- «Дай Бог памяти вспомнить работы мои...» 55
- «Рабочий, медик ли, прораб ли...» 58
- «Вот наша улица, допустим...» 59
- «Чикиликанье галок в осеннем дворе...» 62
- «Молодость ходит со смертью в
обнимку...» 63
- «Ливень лил в Батуми. Лужи были
выше...» 65

«Светало поздно. Одеяло...»

66

Конец ознакомительного фрагмента.

69

Сергей Гандлевский

Счастливая ошибка.

Стихи и эссе о стихах

© С. Гандлевский, 2019

© ООО “Издательство АСТ”, 2019

Издательство CORPUS ®

* * *

Праздник (1973 – 1994)

Стансы

Памяти матери

i

*Говори. Что ты хочешь сказать? Не о том ли, как шла
Городскою рекою баржá по закатному следу,
Как две трети июня, до двадцать второго числа,
Встав на цыпочки, лето старательно тянется к свету,
Как дыхание липы сквозит в духоте площадей,
Как со всех четырех сторон света гремело в июле?
А что речи нужна позарез подоплека идей
И нештучный повод – так это тебя обманули.*

ii

*Слышишь: гнилью арбузной пахнул овощной магазин,
За углом в подворотне грохочет порожняя тара,
Ветерок из предместий донес переключку дрезин,
И архивной листвою покрылся асфальт тротуара.
Урони кубик Рубика наземь, не стоит труда,
Все расчеты насмарку, поешь на дожде винограда,
Сидя в тихом дворе, и воочию увидишь тогда,
Что приходит на память в горах и расщелинах ада.*

iii

*И иди, куда шел. Но, как в бытность твою по ночам,
И особенно в дождь, будет голою веткой упрямо,
Осязая оконные стекла, программный анчар
Трогать раму, что мыла в согласии с азбукой мама.
И хоть уровень школьных познаний моих невысок,
Визу как наяву: сверху вниз сквозь отверстие в колбе
С приснопамятным шелестом сыпался мелкий песок.
Немудрящий прибор, но какое раздолье для скорби!*

iv

*Об пол злостью, как тростью, ударь, шельмовства не
тая,*

*Испитой шарлатан с неизменною шаткой треногой,
Чтоб прозрачная призрачная распустилась струя
И озоном запахло под жэковской кровлей убогой.
Локтевым электричеством мебель ужалит – и вновь
Говори, как под пыткой, вне школы и без манифеста,
Раз тебе, недобитку, внушают такую любовь
Это гиблое время и Богом забытое место.*

V

*В это время вдовец Айзенштадт, сорока семи лет,
Колобродит по кухне и негде достать пипольфена.
Есть ли смысл веселиться, приятель, я думаю, нет,
Даже если он в траурных черных трусах до колена.
В этом месте, веселье которого есть питание,
За порожнюю тарой выдавшие виды ребята
За Серегу Есенина или Андрюху Шенью
По традиции пропили очередную зарплату.*

vi

*После смерти я выйду за город, который люблю,
И, подняв к небу морду, рога запрокинув на плечи,
Одержимый печалью, в осенний простор протрублю*

*То, на что не хватило мне слов человеческой речи.
Как баржа уплывала за поздним закатным лучом,
Как скворчало железное время на левом запястье,
Как заветную дверь отпирали английским ключом...
Говори. Ничего не поделаешь с этой напастью.*

1987

I

«Среди фанерных переборок...»

Среди фанерных переборок
И дачных скрипов чердака
Я сам себе далек и дорог,
Как музыка издалека.
Давно, сырым и нежным летом,
Когда звенел велосипед,
Жил мальчик – я по всем приметам,
А, впрочем, может быть, и нет.

– Курить нельзя и некрасиво...
Все выше старая крапива
Несет зловещие листы.
Марина, если б знала ты,
Как горестно и терпеливо
Душа искала двойника!

Как музыка издалека,
Лишь сроки осени подходят,
И по участкам жгут листву,
Во мне звенит и колобродит
Второе детство наяву.

Чай, лампа, затеррасный сумрак,
Сверчок за тонкою стеной
Хранили бережный рисунок
Меня, не познанного мной.
С утра, опешивший спросонок,
Покрыв рубашкой худобу,
Под сосны выходил ребенок
И продолжал свою судьбу.
На ветке воробей чирикал –
Господь его благослови!
И было до конца каникул
Сто лет свободы и любви!

1973

«Сигареты маленькое пекло...»

М. Т.

Сигареты маленькое пекло.
Тонкий дым разбился об окно.
Сумерки прокручивают бегло
Кроткое вечернее кино.
С улицы вливается в квартиру
Чистая голландская картина –
Воздух пресноводный и сырой,
Зимнее свеченье ниоткуда,

Конькобежцы накануне чуда
Заняты подробною игрой.
Кактусы величественно чахнут.
Время запыраться и зевать.
Время чаепития и шахмат,
Кошек из окошек зазывать.
К ночи глуше, к ночи горше звуки –
Лифт гудит, парадное стучит.
Твердая горошина разлуки
В простынях незримая лежит.
Милая, мне больше длиться нечем.
Потому с надеждой, потому
Всем лицом печальным человеческим
В матовой подушке утону.

...Лунатическим током пронизан,
По холодным снастям проводов,
Громкой кровельной жести, карнизам
Выхожу на отчетливый зов.
Синий снег под ногами босыми.
От мороза в груди колотье.
Продвигаюсь на женское имя –
Наилучшее слово мое.

Узнаю сквозь прозрачные веки,
Узнаю тебя, с чем ни сравни.
Есть в долинах великие реки –
Ты проточным просторам сродни.
Огибая за кровлею кровлю,

Я тебя воссоздам из ночей
Вороною бездомною кровью –
От улыбки до лунок ногтей.

Тихо. Половицы воровато
Полоснула лунная фольга.
Вскорости янтарные квадраты
Рухнут на пятнистые снега.
Электричество включают – и снова
Сутолока, город впереди.
Чье-то недослышанное слово
Бродит, не проклюнется в груди.
Зеркало проточное померкло.
Тусклое бессмысленное зеркало,
Что, скажи, хоронишь от меня?
Съежилась ночная паутина.
Так на черной крышке пианино
Тает голубая пятерня.

1973

«До колючих седин доживу...»

До колючих седин доживу
И тогда извлеку понемножку
Сотню тысяч своих дежавю
Из расколотой глиняной кошки.

Народился и вырос большой,
Зубы резались, голос ломался,
Но зачем-то явился душой
Неприкаянный облик романса.

Для чего-то на оклик ничей
Зазывала бездомная сила
И крутила, крутила, крутила
Черно-белую ленту ночей.

Эта участь – нельзя интересней.
Горе, я ли в твои ворота
Не ломился с юродивой песней,
Полоумною песней у рта!

1973

«Я смежу беспокойные теплые веки...»

Я смежу беспокойные теплые веки,
Я уйду ночевать на снегу Кызгыча,
Полуплач-полуимя губами шепча, –
Пусть гремят вертикальные реки.

Через тысячу лет я проснусь поутру,
Я очнусь через тысячу лет, будет тише
Грохот сизой воды. Так иди же, иди же!
Как я спал, как я плакал, я скоро умру!

«Есть старый флигель угловатый...»

Есть старый флигель угловатый
В одной неназванной глуши.
В его стенах живут два брата,
Два странных образа души.

Когда в ночной надмирный омут,
Робея, смотримся, как встарь,
Они идут в одну из комнат,
В руке у каждого фонарь.

В янтарных полукружьях света
Тогда в светелке угловой
Видны два женские портрета,
И каждый брат глядит на свой.

Легко в покоях деревенских.
Ответно смотрят на двоих
Два облика, два лика женских,
Две жизни бережных моих.

Будь будущее безымянным.
Будь прошлое светлым-светло.
Все не наскучит братьям странным

Смешное это ремесло.

Но есть и третий в доме том,
Ему не сторожить портрета,
Он запирает старый дом
И в путь берет котомку света.

Путем кибиток и телег
Идет полями и холмами,
Где голубыми зеркалами
Сверкают поймы быстрых рек.

1973

«Как просто все: толпа в буфете...»

А. Ц.

Как просто все: толпа в буфете,
Пропеллер дрогнет голубой, –
Так больше никогда на свете
Мы не увидимся с тобой.

Я сяду в рейсовый автобус.
Царапнет небо самолет –
И под тобой огромный глобус
Со школьным скрипом поплывет.

Что проку мямлить уверенья,
Божиться гробовой доской!
Мы твердо знаем, рвутся звенья
Кургузой памяти людской.

Но дни листая по порядку
В насущных поисках добра,
Увижу утлую палатку,
Услышу гомон у костра.

Коль на роду тебе дорога
Написана, найди себе
Товарища, пускай с тревогой,
Мой милый, помнит о тебе.

1974

«Цыганскому зуду покорны...»

Цыганскому зуду покорны,
Набьем барахлом чемодан.
Однажды сойдем на платформы
Чужих оглушительных стран.

Метельным плутая окольным
Февральским бедовым путем,
Однажды над городом Кельном
Настольные лампы зажжем.

Потянутся дымные ночи –
Good bye, до свиданья, adieu.
Так звери до жизни охочи,
Так люди страшатся ее.

Под старость с баулом туристским
Заеду – тряхну стариной –
С лицом безупречно австрийским,
С турецкой, быть может, женой.

The sights необъятного края:
Байкал, Ленинград и Ташкент,
Тоскливо слова подбирая,
Покажет толковый студент.

Огромная русская суша.
Баул в стариковской руке.
О чем я спрошу свою душу
Тогда, на каком языке?

1973

«Сотни тонн боевого железа...»

Сотни тонн боевого железа
Нагнетали под стены Кремля.
Трескотня тишины не жалела,

Щекотала подошвы земля.

В эту ночь накануне парада
Мы до часа ловили такси.
Накануне чужого обряда,
Незадолго до личной тоски.

На безлюдье под стать карантину
В исковерканной той тишине
Эта полночь свела воедино
Все, что чуждо и дорого мне.

Неудача бывает двуликой.
Из беды, где свежают сердца,
Мы выходим с больною улыбкой,
Но имеем глаза в пол-лица.

Но всегда из батального пекла,
Столько тысяч оставив в гробах,
Возвращаются с привкусом пепла
На сведенных молчаньем губах.

Мать моя народила ребенка,
А не куклу в гремучей броне.
Не пытайте мои перепонки,
Дайте словом обмолвиться мне.

Колотило асфальт под ногою.
Гнали танки к Кремлевской стене.

Здравствуй, горе мое дорогое,
Горстка жизни в железной стране!

1974

Декабрь 1977 года

Штрихи и точки нотного письма.
Кленовый лист на стареньком пюпитре.
Идет смычок, и слышится зима.
Ртом горьким улыбнись и слезы вытри,
Здесь осень музицирует сама.

Играй, октябрь, зажмурься, не дыши.
Вольно мне было музыке не верить,
Кошунствовать, угрюмо браконьерить
В скрипичном заповеднике души.

Вольно мне очутиться на краю
И музыку, наперсницу мою, –
Все тридцать три широких оборота –
Уродовать семьюдестью восьмью
Вращениями хриплого фокстрота.

Условимся о гибели молчать.
В застолье нету места укоризне
И жалости. Мне скоро двадцать пять,
Мне по карману праздник этой жизни.

Холодные созвездия горят.
Глухого мироздания не корят
Остывшие Ока, Шексна и Припять.
Поэтому я предлагаю выпить
За жизнь с листа и веру наугад.

За трепет барабанных перепонок.
В последний день, когда меня спросонок
По имени окликнут в тишине,
Неведомый пробудится ребенок
И втайне затоскует обо мне.

Условимся – о гибели молчок.
Нам вечность беззаботная не светит.
А если кто и выронит смычок,
То музыка сама себе ответит.

1977

Друзьям-поэтам

Подступал весенний вечер.
Ветер исподволь крепчал.
С ближней станции диспетчер
В рупор грубое кричал.
В лужах желтые ботинки
Пачкал модный пешеход.

В чистом небе, как чайнки,
Вился птичий хоровод.

В этот славный вечер длинный,
Праздник неба и земли,
Вдоль по улице старинной
Трое странные прошли.
Первый двигался улиткой,
Усом долог, ростом мал,
Злобной заячьей улыбкой
Небо кроткое пугал.

Рядом с первым неуклюже
Нечто женское брело,
Опрокидывалось в лужи,
В кулаке башмак несло.
Третий зверь, поросший мехом,
Был неряшлив и сутул.
Это он козлиным смехом
Смуглый воздух полоснул.

Трех уродцев мучил насморк –
Так и шмыгали втроем.
Переругивались наспех,
Каждый плакал о своем.
Три поэта ждали смерти,
Воду перчили тоской,
За собой на длинной жерди
Флаг тащили шутовской.

Боже! Я дышу неровно,
Глядя в реки и ручьи,
Я люблю беспрекословно
Все творения Твои.
Понимаю снег и иней,
Но понять не хватит сил,
Как Ты музыкою синей
Этих троллей наделил!

1974

«Ружейный выстрел в роще голой...»

Ружейный выстрел в роще голой.
Пригоршня птиц над головой.
Еще не речь, уже не голос –
Плотины клекот горловой.

Природа ужаса не знает.
Не ставит жизни смерть в вину.
Лось в мелколесье исчезает,
Распространяя тишину.

Пусть длится, только бы продлилась
Минута зренья наповал,
В запястьях сердце колотилось,
Дубовый желоб ворковал.

Ничем души не опечалим.
Весомей счастья не зови.
Да будет осень обещаьем,
Кануном снега и любви.

1975

«Чуть свет, пока лучи не ярки...»

Чуть свет, пока лучи не ярки,
Еще при утренней звезде,
Скользить в залатанной байдарке
По голой пасмурной воде.

Такая тихая погода
Лишь в этот час над головой,
И наискось уходит в воду
Блесна на леске голубой.

Здесь разве только эти громки
Удары сердца в тишине
Да две певучие воронки
Из-под весла на глубине.

Здесь жизнь в огрехах и ошибках
(Уже вчерашнюю на треть)
Легко, как озеро в кувшинках,

Из-под ладони оглядеть.

Она была не суетлива,
Не жестока́, не холодна.
Всего скорее справедлива
Была, наверное, она.

1975

«Я был зверком на тонкой пуповине...»

Я был зверком на тонкой пуповине.
Смотрел узор морозного стекла.
Так замкнуто дышал посередине
Младенчества – медвежьего угла.
Струилось солнце пыльной полоской.
За кругом круг вершила кровь по мне.
Так исподволь накатывал извне
Времен и судеб гомон вавилонский,
Но маятник трудился в тишине.

Мы бегали по отмелям нагими –
Детей косноязычная орда, –
Покуда я в испарине ангины
Не вызубрил твой облик навсегда.
Я телом был, я жил единым хлебом,
Когда из тишины за слогом слог
Чудное имя Лесбия извлек,

Опешившую плоть разбавил небом –
И ангел тень по снегу поволок.

Младенчество! Повремени немного.
Мне десять лет. Душа моя жива.
Я горький сплав лимфоузлов и Бога –
Уже с преобладаньем божества...

...Утопанная снежная дорога.
Облупленная школьная скамья.
Как поплавок, дрожит и тонет сердце.
Крошится мел. Кусая заусенцы,
Пишу по буквам: “Я уже не я”.
Смешливые надежные друзья –
Отличники, спортсмены, отщепенцы
Печелятся. Бреду по этажу,
Зеницы отверзаю, обвожу
Ладонью вдруг прозревшее лицо,
И мимо стендов, вымпелов, трапеций
Я выхожу на школьное крыльцо.
Пять диких чувств сливаются в шестое.
Январский воздух – лезвием насквозь.
Держу в руках, чтоб в снег не пролилось,
Грядущей жизни зеркало пустое.

1974

«Без устали вокруг больницы...»

Без устали вокруг больницы
Бежит кирпичная стена.
Худая скомканная птица
Кружит под небом дотемна.
За изгородью полотняной
Белья, завесившего двор,
Плутает женский гомон странный,
Струится легкий разговор.

Под плеск невятицы беспечной
В недостопамятные дни
Я ощутил толчок сердечный
Толчку подземному сродни.
Потом я сделался поэтом,
Проточным голосом – потом,
Сойдясь московским ранним летом
С бесцельным беличьим трудом.

.....

Возьмите все, но мне оставьте
Спокойный ум, притихший дом,
Фонарный контур на асфальте
Да сизый тополь под окном.
В конце концов, не для того ли
Мы знаем творческую власть,
Чтобы хлебнуть добра и боли –

Отгоревать и не проклясть!

1973

II

«Что ж, зима. Белый улей распахнут...»

Что ж, зима. Белый улей распахнут.
Тихим светом насыщена тьма.
Спозаранок проснутся и ахнут,
И помедлят, и молвят: “Зима”.

Выпьем чаю за наши писанья,
За призвание весельчака.
Рафинада всплывут очертанья.
Так и тянет шепнуть: “До свиданья”.
Вечер долог, да жизнь коротка.

1976

«Раздвину занавеси шире...»

Раздвину занавеси шире.
На кухню поутру войду.
Там медный маятник, и гири
Позвякивают на ходу.

Кукуй, кухонная кукушка!
Немало в жизни ерунды –
Пахнет приплюснутая кружка
Железом утренней воды,

И вроде не было в помине
Меня на свете никогда –
Такие блики на гардине,
Такая юная вода!

Пусть в небе музыка играет,
А над моею головой
Комичный клювик разевает
Подобье птицы роковой!

1976

«Мы знаем приближение грозы...»

Мы знаем приближение грозы,
Бильярдного раскатистого треска –
Позвякивают ведра и тазы,
Кликушествует злая занавеска.

В такую ночь в гостинице меня
Оставил сон и вынудил к беседе
С самим собой. Педалями звеня,
Горбун проехал на велосипеде

В окне моем. Я не зажег огня.

Блажен, кто спит. Я встал к окну спиной.
Блажен, кто спит в разгневанном июле.
Я в сумерки взгляделся – предо мной
Сиделкою душа спала на стуле.

Давно ль, скажи, ты девочкой была?
Давно ль провинциалкой босоногой
Ступни впервые резала осокой,
И плакала, и пела? Но сдала
И, сидя, спишь в гостинице убогой.

Морщинки. Рта порочные углы.
Тяжелый сон. Виски в капли пота.
И страшно стало мне в коробке мглы –
Ужели это все моя работа?!

С тех пор боюсь: раскаты вдалеке
Поднимут за полночь настойчиво и сухо –
На стуле спит усталая старуха
С назойливою мухой на щеке.

Я закричу, умру – горбун в окне,
Испуганная занавесь ворвется.
Душа вздрогнёт, медлительно очнется,
Забудет все, отдаст усталость мне
И девочкой к кому-нибудь вернется.

«Было так грустно, как если бы мы шаг за шагом...»

Было так грустно, как если бы мы шаг за шагом
Хвойной тропинкой взошли на обветренный холм
И примостились бок о бок над самым оврагом –
Я под сосною, а ты на откосе сухом.
В то, что предстало тогда потемневшему взору,
Трудно поверить: закатная медная ширь,
Две-три поляны, сосняк и большие озера,
В самом большом отразился лесной монастырь.
Прежде чем тронуться в путь монастырской дорогой,
Еле заметной в оправе некошенных трав,
Мы битый час провели на поляне пологой,
Долго сидели, колени руками обняв.
Помнишь картину? Охотники лес покидают.
Жмутся собаки к ногам. Вечереет. Февраль.
Там в городишке и знать, вероятно, не знают
Всех приключений. Нам нравилась эта печаль.
Было так грустно, как будто бы все это было –
Две-три поляны, озера, щербатый паром.
Может, и было, да легкое сердце забыло.
Было и горше, но это уже о другом.

1976

«Бывают вечера – шатается под ливнем...»

И. Б.

Бывают вечера – шатается под ливнем
Трава, и слышен водосточный хрип.
Легко бродить и маяться по длинным
Аллеям монастырских лип.

Сквозь жизнь мою доносится удушье
Московских лип, и хочется в жильё,
Где ты марала ватман черной тушью
И начиналось прошлое мое.

Дитя надменное с этюдником отцовским,
Скажи, едва ли не вчера
Нам по арбатским кухням стариковским
Кофейник звякал до утра?

Нет, я не о любви, но грустно старожилом
Вдруг ощутить себя. Так долго мы живем,
Что, кажется, не кровь идет по жилам,
А неуклюжий чернозем.

Я жив, но я другой, сохранно только имя.
Лишь обернись когда-нибудь –
Там двойники мои верстами соляными
Сопровождают здешний путь.

О если бы я мог, осмелился на йоту
В отвесном громыхани аллей
Вдруг различить связующую ноту
В расстроенном звучанье дней!

1976

«Сегодня дважды в ночь я видел сон...»

Сегодня дважды в ночь я видел сон.
Загадочный, по существу, один
И тот же. Так цензура сновидений,
Усердная, щадила мой покой.
На местности условно городской
Столкнулись две машины. Легковую
Тотчас перевернуло. Грузовик
Лишь занесло немного. Лобовое
Стекло его осыпалось на землю,
Осколки же земли не достигали,
И звона не случилось. Тишина
Вообще определяла обстановку.
Покорные реакции цепной,

Автомобили, красные трамваи,
Коверкая железо и людей,
На площадь вылетали, как и прежде,
Но площадь не рассталась с тишиной.
Два битюга (они везли повозку
С молочными бидонами) порвали
Тугую упряжь и скакали прочь.
Меж тем из опрокинутых бидонов
Хлестало молоко, и желоба,
Стальные желоба трамвайных рельсов,
Полны его. Но кровь была черна.
Оцепенев, я сам стоял поодаль
В испарине кошмара. Стихло все.
Вращаться продолжало колесо
Какой-то опрокинутой “Победы”.
Спиною к телеграфному столбу
Сидела женщина. Ее черты,
Казалось, были сызмальства знакомы
Душе моей. Но смертная печать
Видна уже была на лице женском.
И тишина.
Так в клубе деревенском
Киномеханик вечно пьян. Динамик,
Конечно, отказал. И в темноте
Кромешной знай себе стрекочет старый
Проектор. В золотом его луче
Пылинки пляшут. Действие без звука.

Мой тяжкий сон, откуда эта мука?

Мне чудится, что мы у тех времен
Без усталости скитаемся на ощупь,
Когда под звук трубы на ту же площадь
Повалим валом с четырех сторон.
Кто скажет заключительное слово
Под сводами последнего Суда,
Когда лиловым сумеркам Брюллова
Настанет срок разлиться навсегда?
Нас смывает с полотняного экрана.
Динамики продует медный вой.
И лопнет высоко над головой
Пифагорейский воздух восьмигранный.

1977

«Грешный светлый твой лоб поцелую...»

Грешный светлый твой лоб поцелую,
Тотчас хрипло окликну впустую,
Постою, ворочусь домой.
Вот и все. Отключу розетку
Телефона. Запью таблетку
Люминала сырою водой.

Спать пластом поверх одеяла.
Медленно в изголовье встала
Рама, полная звезд одних.
Звезды ходят на цыпочках около

Изголовья, ломятся в стекла –
Только спящему не до них.

Потому что до сумерек надо
Высоту навестить и прохладу
Льда, свободы, воды, камней.
Звук реки – или Терек снежный,
Или кран перекрыт небрежно.
О, как холодно крови моей!

Дальше, главное не отвлекаться.
Засветло предстоит добраться
До шоссе на Владикавказ,
Чтобы утром... Но все по порядку.
Прежде быть на почте. Тридцатку
Получить до закрытия касс.

Чтобы первым экспрессом в Тбилиси
Через нашатырные выси, –
О, как лоб твой светлый горяч!
Авлабар обойду, Окроканы...
Что за чушь! Не закрыты краны –
То ли смех воды, то ли плач –

Не пойму. Не хватало плакать.
Впереди московская слякоть.
На будильнике пятый час.
Ангел мой! Я тебя не неволю.
Для того мне оставлено, что ли,

1978

«Когда волнуется желтеющее пиво...»

Когда волнуется желтеющее пиво,
Волнение его передается мне.
Но шумом лебеды, полыни и крапивы
Слух полон изнутри, и мысли в западне.
Вот белое окно, кровать и стул Ван Гога.
Открытая тетрадь: слова, слова, слова.
Причин для торжества сравнительно немного.
Категоричен быт и прост, как дважды два.

О, искуситель-змей, аптечная гадюка,
Ответь, пожалуйста, задачу разреши:
Зачем доверил я обманчивому звуку
Силлабику ума и тонику души?
Мне б летчиком летать и китобоем плавать,
А я по грудь в беде, обиде, лебеде,
Знай, камешки мечу в загадочную заводь,
Веду подсчет кругам на глянцевой воде.

Того гляди сгребут, оденут в мешковину,
Обреют наголо, палач расправит плеть.
Уже не я – другой – взойдет на седловину
Айлара, чтобы вниз до одури смотреть.

Храни меня, Господь, в родительской квартире,
Пока не пробил час примерно наказать.
Наперсница душа, мы лишнего хватили.
Я снова позабыл, что я хотел сказать.

1979

«Здесь реки кричат, как больной под ножом...»

Здесь реки кричат, как больной под ножом,
Но это сравнение ложь, потому что
Они голосят на стократно чужом
Наречии. Это тебе не Алушта.

Здесь пара волов не тащила арбы
С останками пасмурного Грибоеда.
Суворовско-суриковские орлы
На задницах здесь не справляли победы.

Я шел вверх по Ванчу. Дневная резня
Реки с ледником выдыхалась. Зарница
Цвела чайной розой. Ущелье меня
Встречало недобрым молчаньем зверинца.

Снега пламенели с зарей заодно.
Нагорного неба неграмотный гений

Сам знал себе цену. И было смешно
Сушить эдельвейс в словаре ударений.

Зазнайка-поэзия, спрячем тетрадь:
Есть области мира, живые помимо
Поэзии нашей, – и нам не понять,
Не перевести хриплой речи Памира.

1979

«Опасен майский укус гюрзы...»

Опасен майский укус гюрзы.
Пустая фляга бренчит на ремне.
Тяжела слепая поступь грозы.
Электричество шелестит в тишине.
Неделю ждал я товарняка.
Всухомятку хлеба доел ломоть.
Пал бы духом наверняка,
Но попутчика мне послал Господь.
Лет пятнадцать круглое он катил.
Лет пятнадцать плоское он таскал.
С пьяных глаз на этот разъезд угодил –
Так вдвоем и ехали по пескам.

Хорошо так ехать. Да на беду
Ночью он ушел, прихватив мой френч,
В товарняк порожний сел на ходу,

Товарняк отправился на Ургенч.
Этой ночью снилось мне всего
Понемногу: золото в устье ручья,
Простое базарное волшебство –
Слабая дудочка и змея.
Лег я навзничь. Больше не мог уснуть.
Много все-таки жизни досталось мне.
“Темирбаев, платформы на пятый путь”, –
Прокатилось и замерло в тишине.

1979

«Лунный налет – посмотри вокруг...»

Лунный налет – посмотри вокруг –
Серый, в сантиметр толщиной,
Валит зелень наземь. Азия вдруг
Этикеткой чайной, переводной
Картинкою всплывает со дна
Блюдца. Азия – это она
Бережно провела наждаком
Согласных по альвеолам моим.
Трудно говорить на таком
Языке-заике – и мы молчим.
Монету выну из кошелька,
На ладони подброшу и с высоты
Оброню в стремнину – играй века,
Родниковый двойник кустарной звезды.

Ах, примета грошовая, не криви
Душою. Навсегда из рук
Уходит снег Азии. Но в крови
Шум вертикальных рек. Вокруг
Посмотри – и довольно. Соловьи
И розы. Серая известь луны
Ложится на зелень. И тишины
Вороной иноходец зацокал прочь.
Здесь я падал в небо великой страны
Девяносто и одну ночь.

1979

«Давным-давно забрели мы на праздник смерти...»

Давным-давно забрели мы на праздник смерти,
Аквариум вещей скорби всюду прижимая к себе.
Сказочно-страшно стоять в похоронном концерте,
Опрокинутою толпой отразиться в латунной трубе.
В марте шестидесятого за гаражами
Жора вдалбливал нам сексологию и божбу.
Аудитория млела. Внезапно над этажами
Встала на дыбы музыка. Что-то несли в гробу.
Эдаким князем Андреем близ Аустерлица
Поднял я голову в прямоугольное небо двора.
Черные птицы. Три облака. Серые лица.

Были старухи. Кухахтала детвора.
Детство в марте. Союз воробья и вербы.
Бедное мужество музыки. Старческий гам.
Шапки долой. Очи долу. Лишь небо не знает ушерба.
Старый шарманщик, насилуй осипший орган!

1979

«А вот и снег. Есть русские слова...»

А вот и снег. Есть русские слова
С оскоминой младенческой глюкозы.
Снег валит, тяжелеет голова,
Хоть сырость разводи. Но эти слезы
Иных времен, где в занавеси дрожь,
Бьет соловей, заря плывет по лужам,
Будильник изнемог, и ты встаешь,
Зеленым взрывом тополя разбужен.
Я жил в одной стране. Там тишина
Равно проста в овраге, церкви, поле.
И мне явилась истина одна:
Трудна не боль – однообразье боли.
Я жил в деревне месяц с небольшим.
Прорехи стен латал клоками пакли.
Вслух говорил, слегка переборщил
С риторикой, как в правильном спектакле.

Двустволка опереточной длины,

Часы, кровать, единственная створка
Трюмо, в котором чуть искажены
Кровать с шарами, ходики, двустволка.
Законы жанра – поприще мое.
Меня и в жар бросало, и знобило,
Но драмы злополучное ружье
Висеть висит, но выстрелить забыло.
Мне ждать не внове. Есть здесь кто живой?
Побудь со мной. Поговори со мной.
Сегодня день светлее, чем вчерашний.
Белым-бела вельветовая пашня.
Покурим, незнакомый человек.
Сегодня утром из дому я вышел,
Увидел снег, опешил и услышал
Хорошие слова – а вот и снег.

1978

«Далеко от соленых степей саранчи...»

Матери

Далеко от соленых степей саранчи,
В глухомани, где водятся серые волки,
Вероятно, поныне стоят Баскачи –
Шесть разрозненных изб огородами к Волге.

Лето выдалось скверным на редкость. Дожди

Зарядили. Баркасы на привязи мокли.
Для чего эта малость видна посреди
Прочей памяти, словно сквозь стекла бинокля?

Десять лет погода я подался в бичи,
Карнавальную накипь оседлых сословий,
И трудился в соленых степях саранчи
У законного финиша волжских верховий.

Для чего мне на грубую память пришло
Пасторальное детство в голубенькой майке?
Сколько, Господи, разной воды утекло
С изначальной поры коммунальной Можайки!

Значит, мы умираем и делу конец.
Просто Волга впадает в Каспийское море.
Всевозможные люди стоят у реки.
Это Волга впадает в Каспийское море.

Все, что с нами случилось, случится опять.
Среди ночи глаза наудачу зажмурю –
Мне исполнится год и тебе двадцать пять.
Фейерверк сизарей растворится в лазури.

Я найду тебя в комнате, зыбкой от слез,
Где стоял КВН, недоносок прогресса,
Где глядела на нас из-под ливня волос
С репродукции старой святая Инесса.

Я застану тебя за каким-то шитьем.
Под косящим лучом засверкает иголка.
Помнишь, нам довелось прозябать вчетвером
В деревушке с названьем татарского толка?

КВНовой линзы волшебный кристалл
Синевою нальется. Покажется Волга.
“Ты и впрямь не устала? И я не устал.
Ну, пошли понемногу, отсюда недолго”.

1978

«Будет все. Охлажденная долгим трудом...»

Будет все. Охлажденная долгим трудом
Устареет досада на бестолочь жизни,
Прожитой впопыхах и захлеб. Будет дом
Под сосновым холмом на Оке или Жиздре.
Будут клин журавлиный на юг острием,
Толчая снегопада в движении Броуна,
И окрестная прелесть в сознание моем
Накануне разлуки предстанет утроена.
Будет майская полночь. Осока и плес.
Ненароком задетая ветка остудит
Лоб жасмином. Забудется вкус черных слез.
Будет все. Одного *утешенья* не будет,

Оправданья. Наступит минута, когда
Возникает вопрос, что до времени дремлет:
Пробил час уходить насовсем, но куда?
Иностранная музыка волосы треплет.
А вошедшая в обыкновение ложь
Ремесла потягается разве что с астмой
Духотою. Тогда ты без стука войдешь
В пятистенок ночлега последнего:
“Здравствуй.

Узнаю тебя. Легкая воля твоя
Уводила меня, словно длань кукловода,
Из пределов сумятицы здешней в края
Тишины. Но сегодня пора на свободу.
Я любил тебя. Легкою волей твоей
На тетрадных листах, озаренных неярко,
Тарабарщина варварской жизни моей
Обрела простоту регулярного парка.
Под отрывистым ливнем лоснится скамья.
В мокрой зелени тополя тенькают птахи.
Что ж ты плачешь, веселая муза моя,
Длинноногая девочка в грубой рубахе!
Не сжимай мое сердце в горсти и прости
За оскомину долгую дружбы короткой.
Держит раковина океан взаперти,
Но пространству тесна черепная коробка!”

«Это праздник. Розы в ванной...»

Это праздник. Розы в ванной.
Шумно, дымно, негде сесть.
Громогласный, долгожданный,
Драгоценный. Ровно шесть.
Вечер. Лето. Гости в сборе.
Золотая молодежь
Пьет и курит в коридоре –
Смех, приветствия, галдеж.

Только-только из-за школьной
Парты, вроде бы вчера,
Окунулся я в застольный
Гам с утра и до утра.
Пела долгая пластинка.
Балагурил балагур.
Сетунь, Тушино, Стромынка –
Хорошо, но чересчур.

Здесь, благодаренье Богу,
Я полжизни оттрубил.
Женщина сидит немного
Справа. Я ее любил.
Дело прошлое. Прогнозам
Верил я в иные дни.
Птицам, бабочкам, стрекозам

Эта музыка сродни.

Если напрочь не опиться
Водкой, шумом, табаком,
Слушать музыку и птицу
Можно выйти на балкон.
Ночь моя! Вишневым светом
Телефонный автомат
Озарил сирень. Об этом
Липы старые шумят.

Табакком пропахли розы,
Их из Грузии везли.
Обещали в полдень грозы,
Грозы за полночь пришли.
Ливень бьет напропалую,
Дальше катится стремглав.
Вымостили мостовую
Зеркалами без оправ.

И светает. Воздух зябко
Тронул занавесь. Ушла
Эта женщина. Хозяйка
Убирает со стола.
Спит тихоня, спит проказник –
Спать! С утра очередной
Праздник. Все на свете праздник –
Красный, черный, голубой.

1980

III

«Картина мира, милая уму...»

Картина мира, милая уму: писатель сочиняет про Муму; шоферы колятся по всей земле со Сталиным на лобовом стекле; любимец телевиденья чабан кастрирует козла во весь экран; агукая, играючи, шутя, мать пестует щекастое дитя. Сдается мне, согражданам не лень усердствовать. В трудах проходит день, а к полночи созреет в аккурат мажорный гимн, как некий виноград.

Бог в помощь всем. Но мой физкульт-привет писателю. Писатель (он поэт), несносных наблюдений виртуоз, сквозь окна видит бледный лес берез, вникая в смысл житейских передряг, причуд, коллизий. Вроде бы пустяк по имени хандра, и во врачах нет надобности, но и в мелочах видна утечка жизни. Невзначай он адрес свой забудет или чай на рукопись прольет, то вообще купает галстук бархатный в борще. Смех да и только. Выпал первый снег. На улице какой-то человек, срывая голос, битых два часа отчитывал нашкодившего пса.

Писатель принимается писать. Давно ль он умудрился променять объем на вакуум, проточный звук на паузу? Жизнь валится из рук безделкою, безделицею в щель, внезапно перейдя в разряд вещей еще душемутительных, уже

музейных, как то: баночка драже с истекшим сроком годности, альбом колониальных марок в голубом налете пыли, шелковый шнурок...

В романе Достоевского “Игрок” описан странный случай. Гувернер влюбился не на шутку, но позор безденежья преследует его. Добро бы лишь его, но существо небесное, предмет любви – и та наделала долгов. О, нищета! Спасая положение, наш герой сперва, как Германн, вчуже за игрой в рулетку наблюдал, но вот и он выигрывает сдуру миллион. Итак, женитьба? – Дудки! Грозный пыл объемлет бедолагу. Он забыл про барышню, ему предreshено в испарине толкаться в казино. Лишения, долги, потом тюрьма. “Ужели я тогда сошел с ума?” – себя и опечаленных друзей резонно вопрошает Алексей Иванович. А на кого пенять?

Давно ль мы умудрились променять простосердечье, женскую любовь на эти пять похабных рифм: свекровь, кровь, бровь, морковь и вновь! И вновь поэт включает за полночь настольный свет, по комнате описывает круг. Тошнехонько и нужен верный друг. Таким была бы проза. Дай-то Бог. На весь поселок брешет кабысдох. Поэт смотрит в холодное окно. Гармония, как это ни смешно, вот цель его, точнее, идеал. Что выиграл он, что он проиграл? Но это разве в картах и лото есть выигрыш и проигрыш. Ни то изящные материи, ни се. Скорее розыгрыш. И это все? Еще не все. Ценить свою беду, найти вверху любимую звезду, испарину труда стереть со лба и сообщить кому-то: “Не судьба”.

«Расцветали яблони и груши...»

“Расцветали яблони и груши”, –
Звонко пела в кухне Линда Браун.
Я хлебал портвейн, развесив уши.
Это время было бравым.

Я тогда рассчитывал на счастье,
И поэтому всерьез
Я воспринимал свои несчастья –
Помню, было много слез.

Разные истории бывали.
Но теперь иная полоса
На полуподвальном карнавале:
Пауза, повисли паруса.

Больше мне не баловаться чачей,
Сдуру не шокировать народ.
Молодость, она не хер собачий,
Вспоминаешь – оторопь берет.

В тихий час заката под сиренью
На зеленой лавочке сажу.
Бормочу свои стихотворенья,

Воровскую стройку сторожу.

Под сиренью в тихий час заката
Бьют, срывая голос, соловьи.
Капает по капельке зарплата,
Денежки дурацкие мои.

Не жалею, не зову, не плачу,
Не кричу, не требую суда.
Потому что так и не иначе
Жизнь сложилась раз и навсегда.

1981

«Дай Бог памяти вспомнить работы мои...»

Дай Бог памяти вспомнить работы мои,
Дать отчет обстоятельный в очерке сжатом.
Перво-наперво следует лагерь МЭИ,
Я работал тогда пионерским вожатым.
Там стояли два Ленина: бодрый старик
И угрюмый бутуз серебристого цвета.
По утрам раздавался воинственный крик
“Будь готов”, отражаясь у стен сельсовета.
Было много других серебристых химер –
Знаменосцы, горнисты, скульптура лосихи.

У забора трудился живой пионер,
Утоляя вручную любовь к поварихе.

Жизнерадостный труд мой расцвел колесом
Обозрения с видом от Омска до Оша.
Хватишь лишку и Симонову в унисон
Знай бубнишь помаленьку: “Ты помнишь, Алеша?”
Гадом буду, в столичный театр загляну,
Где примерно полгода за скромную плату
Мы кадили актрисам, роняя слюну,
И катали на фурке тяжелого Плятта.
Верный лозунгу молодости “Будь готов!”,
Я готовился к зрелости неутомимо.
Вот и стал я в неполные тридцать годов
Очарованным странником с пачки “Памира”.

На реке Иртыше говорила резня.
На реке Сырдарье говорили о чуде.
Подвозили, кормили, поили меня
Окаянные жесточенные люди.
Научился я древней науке вранья,
Разучился спросить о погоде без мата.
Мельтешит предо мной одиссея моя
Кинолентою шосткинского комбината.
Ничего, ничего, ничего не боюсь,
Разве только ленивых убийц в полумасках.
Отшучусь как-нибудь, как-нибудь отсижусь
С Божьей помощью в придурковатых подпасках.

В настоящее время я числюсь при СУ –
206 под началом Н. В. Соткилавы.
Раз в три дня караульную службу несу,
Шельмоватый кавказец содержит ораву
Очарованных странников. Форменный зо –
омузей посетителям на удивленье:
Величанский, Сопровский, Гандлевский, Шаззо –
Часовые строительного управления.
Разговоры опасные, дождь проливной,
Запрещенные книжки, окурки в жестянке.
Стало быть, продолжается диспут ночной
Чернокнижников Кракова и Саламанки.

Здесь бы мне и осесть, да шалят тормоза.
Ближе к лету уйду, и в минуту ухода
Жизнь моя улыбнется, закроет глаза
И откроет их медленно снова – свобода.
Как впервые, когда рассчитался в МЭИ,
Сдал казенное кладовщику дяде Васе,
Уложил в чемодан причиндалы свои,
Встал ни свет ни заря и пошел восвосяси.
Дети спали. Физорг починял силомер.
Повариха дремала в объятьях завхоза.
До свидания, лагерь. Прощай, пионер,
Торопливо глотающий крупные слезы.

«Рабочий, медик ли, прораб ли...»

Рабочий, медик ли, прораб ли –
Одним недугом сражены –
Идут простые, словно грабли,
России хмурые сыны.
В ларьке чудовищная баба
Дает “Молдавского” прорабу.
Смирняя свистопляску рук,
Он выпил, скорчился – и вдруг
Над табором советской власти
Легко взмывает и летит,
Печальным демоном глядит
И алчет африканской страсти.
Есть, правда, трезвенники, но
Они, как правило, говно.

Алкоголизм, хоть имя дико,
Но мне ласкает слух оно.
Мы все от мала до велика
Лакали разное вино.
Оно прелестную свободу
Сулит великому народу.
И я, задумчивый поэт,
Прилежно целых девять лет
От одиночества и злости
Искал спасения в вине,

До той поры, когда ко мне
Наведываться стали в гости
Вампиры в рыбьей чешуе
И чертенята на свинье.

Прощай, хранительница дружбы
И саботажница любви!
Благодарю тебя за службу
Да и за пакости твои.
Я ль за тобой не волочился,
Сходился, ссорился, лечился
И вылечился наконец.
Веди другого под венец
(Молодоженам честь и место),
Форси в стеклянном пиджаке.
Последний раз к твоей руке
Прильну, стыдливая невеста,¹
Всплакну и брошу на шарап.
Будь с ней поласковой, прораб.

1979

«Вот наша улица, допустим...»

Вот наша улица, допустим,
Орджоникидзержинского,

¹ Невеста в стеклянном пиджаке – спиртное (сленг). – Прим. авт.

Родня советским захолустьям,
Но это все-таки Москва.
Вдали топорщатся массивы
Промышленности некрасивой –
Каркасы, трубы, корпуса
Настырно лезут в небеса.
Как видишь, нет примет особых:
Аптека, очередь, фонарь
Под глазом бабы. Всюду гарь.
Рабочие в пунцовых робах
Дорогу много лет подряд
Мостят, ломают, матерят.

Вот автор данного шедевра,
Вдыхая липы и бензин,
Четырнадцать порожних евро –
бутылок тащит в магазин.
Вот женщина немолодая,
Хорошая, почти святая,
Из детской лейки на цветы
Побрызгала и с высоты
Балкона смотрит на дорогу.
На кухне булькает обед,
В квартирах вспыхивает свет.
Ее обманывали много
Родня, любовники, мужья.
Сегодня очередь моя.

Мы здесь росли и превратились

В угрюмых дядь и глупых тетя.
Скучали, малость развратились –
Вот наша улица, Господь.
Здесь с окуджавовской пластинкой,
Староарбатскою грустинкой
Годами прячут шиш в карман,
Испепеляют, как древлян,
Свои дурацкие надежды.
С детьми играют в города –
Чита, Сучан, Караганда.
Ветшают лица и одежды.
Бездельничают рыбаки
У мертвой Яузы-реки.

Такая вот Йокнапатофа
Доигрывает в спортлото
Последний тур (а до потопа
Рукой подать), гадает, кто
Всеми виною – Пушкин, что ли?
Мы сдали на пять в этой школе
Науку страха и стыда.
Жизнь кончится – и навсегда
Умолкнут брань и пересуды
Под небом старого двора.
Но знала чертова дыра
Родство сиротства – мы отсюда.
Так по родимому пятну
Детей искали в старину.

«Чикиликанье галок в осеннем дворе...»

Чикиликанье галок в осеннем дворе
И трезвон перемены в тринадцатой школе.
Росчерк Ту-104 на чистой заре
И клеймо на скамье “Хабибулин + Оля”.
Если б я был не я, а другой человек,
Я бы там вечерами слонялся донине.
Все в разезде. Ремонт. Ожидается снег. –
Вот такое кино мне смотреть на чужбине.
Здесь помойные кошки какую-то дрянь
С вожделением делят, такие-сякие.
Вот сейчас он, должно быть, закурит, и впрямь
Не спеша закурил, я курил бы другие.
Хороша наша жизнь – напоит допьяна,
Карамелью снабдит, удивит каруселью,
Шаловлива, глумлива, гневлива, шумна –
Отшумит, не оставив рубля на похмелье...

Если так, перед тем, как уйти под откос,
Пробеги-ка рукой по знакомым октавам,
Наиграй мне по памяти этот наркоз,
Спой дворовую песню с припевом картавым.
Спой, сыграй, расскажи о казенной Москве,
Где пускают метро в половине шестого,

Зачинают детей в госпитальной траве,
Троекратно целуют на Пасху Христову.
Если б я был не я, я бы там произнес
Интересную речь на арене заката.
Вот такое кино мне смотреть на износ
Много лет. Разве это плохая расплата?
Хабибулин выглядывает из окна
Подделиться избыточным опытом, крикнуть –
Спору нет, память мучает, но и она
Умирает – и к этому можно привыкнуть.

1981

«Молодость ходит со смертью в обнимку...»

Молодость ходит со смертью в обнимку,
Ловит ушанкой небесную дымку,
Мышцу сердечную рвет впопыхах.
Взрослая жизнь кое-как научилась
Нервы беречь, говорить наловчилась
Прямолинейною прозой в стихах.

Осенью восьмидесятого года
В окна купейные сквозь непогоду
Мы обернулись на Курский вокзал.
Это мы ехали к Черному морю.

Хам проводник громыхал в коридоре,
Матом ругался, курить запрещал.

Белгород ночью, а поутру Харьков.
Просишь для сердца беды, а накаркав,
Локти кусаешь, огромной страной
Странствуешь, в четверть дыхания дышишь,
Спишь, цепенеешь, спросонок расслышишь –
Ухает в дамбу метровой волной.

Фото на память. Курортные позы.
В окнах веранды красуются розы.
Слева за дверью белеет кровать.
Снег очертил разноцветные горы.
Фрукты колотятся оземь, и впору
Плакать и честное слово давать.

В четырехзначном году, умирая
В городе N, барахло разбирая,
Выроню случаем и на ходу
Гляню – о, Господи, в Новом Афоне
Оля, Лаура, Кенжеев на фоне
Зелени в восьмидесятом году.

1981

«Ливень лил в Батуми. Лужи были выше...»

О. Е.

Ливень лил в Батуми. Лужи были выше
Щиколоток. Стоя под карнизом крыши,
Дух переводили, а до крыши самой
Особняк пиликал оркестровой ямой.
Гаммы, полонезы, польки, баркаролы.
Маленькие классы музыкальной школы.
Черни, Гречанинов, Гедике и Глинка.
Маленькая школа сразу возле рынка.
Скрипка-невеличка, а рояль огромный,
Но еще огромней тот орган загробный.
Глупо огорчаться, это лишь такая
Выдумка, забава, музыка простая.
Звуки пропадали в пресноводном шуме,
Гомоне и плеске. Ливень лил в Батуми.
Выбежали стайкой, по соседству встали
Дети-вундеркинды, лопотали, ждали
Малого просвета. Вскоре посветлело,
И тогда Арчилы, Гиви и Натэлы
Дунули по лужам, улицам, бульварам.
В городе Батуми вровень с тротуаром
Колебалось море, и качался важный

“Адмирал Нахимов” с дом пятиэтажный.
Полно убиваться, есть такое мнение,
Будто эти страсти, грусти, треволнения –
Выдумка, причуда, простенькая полька
Для начальной школы, музыка – и только.

1981

«Светало поздно. Одеяло...»

Светало поздно. Одеяло
Сползало на пол. Сизый свет
Сквозь жалюзи мало-помалу
Скользил с предмета на предмет.
По мере шаткого скольженья,
Раздваивая светотень,
Луч бил наискосок в “Оленью
Охоту”. Трепетный олень
Летел стремглав. Охотник пылкий
Облокотился на приклад.
Свет трогал тусклые бутылки
И лиловатый виноград
Вчерашней трапезы, колоду
Игральных карт и кожуру
Граната, в зеркале комода
Чертил зигзаги. По двору
Плыл пьяный запах – гнали чачу.
Индюк барахтался в пыли.

Пошли слоняться наудачу,
Куда глаза глядят пошли.
Вскарабкайся на холм соседний,
Увидишь с этой высоты,
Что ночью первый снег осенний
Одел далекие хребты.
На пасмурном булыжном пляже
Откроешь пачку сигарет.
Есть в этом мусорном пейзаже
Какой-то тягостный секрет.
Газета, сломанные грабли,
Заржавленные якоря.
Позеленели и озябли
Косые волны октября.
Наверняка по краю шири
Вдоль горизонта серых вод
Пройдет без четверти четыре
Экскурсионный теплоход
“Сухум – Батум” с заходом в Потю.
Он служит много лет подряд,
И чайки в бреющем полете
Над ним горланят и парят.

Я плавал этим теплоходом.
Он переполнен, даже трюм
Битком набит курортным сбродом –
Попойка, сутолока, шум.
Там нарасхват плохое пиво,
Диск “Бони М”, духи “Кармен”.

На верхней палубе лениво
Господствует нацмен-бармен.
Он “Чито гврито” напевает,
Глаза блудливые косит,
Он наливает, как играет,
Над головой его висит
Генералиссимус, а рядом
В овальной рамке из фольги,
Синея вышколенным взглядом,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.